

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРИАМУРЬЕ (на материале «Словаря русских говоров Приамурья»)

В поле зрения настоящей работы находятся энтомологические диалектные слова и фразеологизмы жителей Приамурья XIX–XX веков. В статье предпринята попытка на материале «Словаря русских говоров Приамурья» и «Фразеологического словаря русских говоров Приамурья» выявить темы и тематические группы слов, которые наглядно отражают народную энтомологическую картину мира переселенцев на Дальний Восток, показывают народные представления, верования, обряды, связанные с насекомыми.

Ключевые слова: энтомологическая лексика, тематическая группа, диалектизмы, фразеологические единицы, метафоры.

Keywords: entomological lexicon, thematic group, dialectisms, phraseological units, metaphors.

од энтомологической лексикой в данной статье понимаются диалектные названия насекомых и слова, имеющие отношение к лексико-тематической группе «Насекомые».

Наименование «насекомые» происходит от глагола «сечь» / «насекать». Современное название является калькой с французского слова, восходящего к латинскому *insectum* — «насекомое», что в свою очередь тоже калька с греческого *entomon*, со значением, что и в русском языке «животное с насечками», «тварь с насечками» [12, Т. 3, с. 47].

Актуальность систематизации и реконструкции энтомологических представлений дальневосточников обусловлена значимостью традиционных представлений о мире в отражении русского языка, а также отсутствием в современной диалектологии работ, в которых производится комплексный лингвистический анализ энтомологической лексики русских говоров Приамурья.

Совокупность народных представлений о тематической группе «Насекомые» как части традиционной картины мира представлена А. В. Гурой в монографии «Символика животных в славянской традиции» [2]. Насекомые в исследовании А. В. Гуры рассматриваются через верования, фольклорные, обрядовые и языковые факты как особые мифологические персонажи. Автор описывает насекомых в составе класса гадов, причём много места уделено символике домашних паразитов (блоха, клоп, таракан и т. д.), кусающих и летающих насекомых (комар, овод и т. д.), исследуется символика таких насекомых, как бабочка, мотылёк, божья коровка, жуки.

В монографии Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)» тематическая группа «Насекомые» рассматривается через лексико-словообразовательную организацию языка [1, с. 179–182]. Т. И. Вендина пишет о частой немотивированности номинаций насекомых, что в названиях редко присутствуют расширители в виде суффиксов: жук — жуковина, клещ — клещук, овод — оводень. Однако среди мотивированных названий она выделяет следующие «мотивы»: 1) звук, издаваемый насекомым (жужелка), 2) характерный окрас (желтопуз, зеленка), 3) характерная часть тела (рогач, рогохвост), 4) характерный запах (бздунья — клоп ягодный, вонючка — жуелица), 5) место обитания (затучник), 6) способ перемещения (бегун, скакунок), 6) воздействие (жегун), 7) продукт, вырабатываемый насекомым (пчела — медовица), 8) фауна или растительность, которую насекомое поедает (горохлянка — гороховый жук, капусташка — червь, подъедающий листья капусты). Автор обращает внимание на частые метафорические переносы в названиях насекомых (кобылка — сверчок, козлик — стрекоза и т. д.) [1, с. 179–182].

Исследования Ю. А. Кривошаповой посвящены группе «Насекомые» в народном представлении, уделяется

внимание отдельным фразеологизмам, содержащим энтомосемизмы, а также русской энтомологической лексике в этнолингвистическом освещении [3; 4].

До сих пор учёными не предпринималось комплексного этнолингвистического изучения русской энтомологической лексики в русских говорах Приамурья. В «Словаре русских говоров Приамурья» [5] представлены следующие тематические группы насекомых:

- 1) божья коровка,
- 2) мухи,
- 3) бабочки (мотыльки),
- 4) гусеницы,
- 5) пчёлы,
- 6) моль,
- 7) муравьи,
- 8) комары, мошка и другие.

В работах научных предшественников тематические группы насекомых традиционно делятся на полезных насекомых (пчёлы) и паразитов (комары, клопы).

Интересно, что в мифологических представлениях славян божья коровка имела положительные коннотации, так как была отнесена к жене и детям Перуна, а позднее — к Божьей матери. О. А. Терновская в статье «Божья коровка, или Ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур)» соотносит славянские названия божьей коровки с персонажами мифологического сюжета «свадьбы Солнца» и с реалиями обрядности летнего солнцестояния [8].

В русских говорах Приамурья божья коровка позиционируется как паразит, вредящий урожаю: *Чичас божья коровка съедает всё* [5, с. 253].

Аналогичными вредителями урожая видятся старожилам и червак, и скачок, и бухарка: *В этом году опять червак всю черёмуху съел* [5, с. 478]. *У нас кузнечиков скачками звали. Они таки же зелёные, а скачок потому, что скачет. Это по-литературному кузнечик, а по-нашему, народному, — скачок. На скачки иногда берёт рыба. Кузнечик евшо скачок называется. Их много вредителей, скачок — саранча была така. Ленков ловили на кузнечиков. Скачок этот на крючке за собой тянет по берегу* [5, с. 397]; **бухарка, бухарка**. Летающее насекомое, вредитель растений. *Бухарка, она съедат всё. Кучам сидели, одни степешки остались. Едуча она: ес всё. Это красенька букашка с крылышками, она летит и съедат всё растение. Никто её не берёт [никакое средство]. Обьес — на друго место перелетат. Бухаркой, букашка мы ее называли. Всю картошку бухарка бусая облепила. Угурцы-то пропали: бухарка напала, ес. У вас ела картошку бухарка; бухарочка. Уменьш. к бухарка. Картошки плохие нынче: бухарочка напала; бухашка. Сейчас кака-то бухашка нападат: кругленька, красенька. Прошлый год в Суюзной всю картошку поела* [5, с. 48].

Мухи в языковой картине мира славян — насекомые амбивалентные, вопреки однозначному современному пониманию о вредоносности и паразитарности насекомого.

В работе О. А. Терновской «Белые мухи (две жатвы)» [7] рассказывается об обряде, распространённом в разных славянских культурах, в частности, на Русском Севере жнецы выгоняют мух из дома хозяина поля. В западной части ареала обряд сопровождается заговором: «Чёрные мухи из хаты, белые в хату». Заговор представляет собой выкликание снега, который, укрыв поля, способствовал бы новому урожаю. Белые мухи — метафора снега. В некоторых говорах сохранилось выражение «мы торчали в поле до белых мух» [7, с. 108]. В народном представлении важно противопоставление «чёрный — белый», так как чёрные мухи пропадают, белые прилетают.

Вылетающим из дома осенним мухам вслед произносились слова: «Мы свою жатву выжали, теперь вы ступайте жните» [7, с. 108].

Все ритуальные выкликания и заговоры связаны не только с пониманием смены времён года: лето — зима, но и с представлениями о мире живых — о земле, и мире умерших — небе. По мнению древних славян, погибая, мухи отправлялись на небо, к ушедшим небесным пахарям, и там продолжали осуществлять свою функцию: сопровождение жатвы. В своих работах О. А. Терновская рассматривает славянские фразеологические выражения, в которых опорным компонентом является сочетание «мухи в голове». Такая модель используется для характеристики эмоциональных состояний человека (гнев, вздорность, грусть, хитрость, капризность, сумасбродство, нетрезвое состояние, глупость, колдовские способности) и является элементом архаического представления о мухе как олицетворении человеческой души [9].

В русских говорах Приамурья положительных коннотаций у слов, относящихся к тематической группе «мухи», не обнаружено. Мухи в сознании дальневосточников — вредоносные насекомые, вызывающие досаду, с которыми приходится бороться: **мухота**, *собр.* Мухи. *Палочки у зыбки, товаром обошьют, ну, положек-то сделают, чтоб мухота не зашла. Мухоты налетело сёдни — ужасно! Мухота лезет во все шшели* [5, с. 249].

Образ мухи надоедливый, привязчивый, её надо выгнать или уничтожить: **завязаться**. Привязаться, пристать. *Вот чёрт, муха завязалась, хлестану её* [5, с. 139]. *Я там на погребушке спала, глухо было очень, мухи к утру заели* [5, с. 80]; **мухобейка**, устройство для уничтожения мух; мухобойка. *Вот так, возьмут мухобейку и бьют мух* [5, с. 249]; **щёколка**. Мухобойка. *Мух колотила щёколкой: не могу терпеть их* [5, с. 503]; **фукалка**. То же, что пуркалка. *Мух много, только успевай брать эти фукалки* [5, с. 463].

Помимо мухобоек и фукалок, переселенцы прибегали к растительным средствам борьбы с мухами. Исходя из названия, эффективен мухомор: *Мухи, оне с его сдохнут, с мухомора, оне с его валятся* [5, с. 377], а также успешно применялись ядовитые ягоды, например **муховка**. Ядовитая лесная ягода воронец *Actaea L. Муховка в лесу растёт, она ядовита. С корнем муховку вырвешь, засушишь, заваришь и травишь мух. Ягоды у муховки прозрачные и чёрны есь, и красны* [5, с. 249].

О. А. Терновская в статье «К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых» описала существующие у славян народные обряды борьбы с паразитами и вредителями, например, похороны мухи и блохи [10]. «Словарь русских говоров Приамурья» подобных ритуалов не обнаруживает. Все способы борьбы с насекомыми у дальневосточников не носят ритуального или мистического характера. Например, самый частотный способ борьбы с гнусом, мошкой, комарами — это разведение костра с дымом: **дымарь**. То же, что дымокур. *Разведу хороший дымарь на берегу. Вначале дымарь раскочегарю, а потом корову дою; дымник*. То же, что дымокур. *От комаров, мошки спасались дымником; дымокур*. Дымящий костёр из коры, мха, опилок и т. п., разжигаемый для защиты от гнуса. *Дымокур разложить надо: много комаров. Дымокур как средство от комаров. Чтобы дымокур развести, в огонь кладут сырого чего-нибудь. В дымарь дымокур разводят* [5, с. 122].

В статье О. А. Терновской «Бабочка в народной демонологии славян: “душа-предок” и “демон”» бабочка в языковой картине мира славян рассматривается как душа умершего человека [6].

Есть две версии происхождения слова «мотылёк»: название происходит от слова «мотыло», существовавшего до XVIII века, сохранившегося в русских говорах, означавшего выгребную яму, испражнения, мусор, поскольку личинки, черви и куколки бабочки отождествлялись с гниением (от др.-русск. *мотыла*, ж., *мотыло*, ср. р. «навоз») [12, т. 2, с. 665]. Вторая версия происхождения — от слов «мотаться, метаться». Трепетание крыльев, полёт бабочки напоминают метание, мотание; «метаться туда-сюда», мести (метла) [12, т. 2, с. 665].

По М. Фасмеру, слово «мотылёк» связано «со ст.-слав. метж, мести, «бросить, мести» [12, т. 2, с. 665]. В русских говорах Приамурья бабочку старожилы называли *метляк*, *метлячок*. Ср.: **метляк**. Бабочка. *А метляком это бабочку называли любую. Метляк — ну, бабочка. Вот это большая, царь назы-вают, большой метляк. По вечерам метляки залетают в избу на огонь. В этом году на черёмухе много метляка* [5, с. 240]; **метлячок**. Ласк. к метляк. Метлячки — это бабочки. *Метлячки, всяки бабочки на свет летят ночью* [5, с. 240].

Образное народное мышление проявляется через красивую метафору: «большая бабочка — царь».

Мотивированное диалектное название маленькой бабочки *картовника* связано с народной приметой, с местом её обитания и питания: **картовник**. Маленькая бабочка (какая?). *Картовники летают, когда картошка наливаются. Если картовников много, хороший урожай будет* [5, с. 175].

Особое место в языковой картине мира дальневосточников и в энтомологической лексике Приамурья занимают гусеницы. Давно установлено этимологическое родство между существительными *гусеница* и *ус* [12, т. 1, с. 477].

Гусеница — это общеславянское слово, восходящее к *usepnica* (появление начального «г» объясняется удобством произношения), произведённому от прилагательного *usepnъ*, восходящего к существительным *ус*, *волос*. Первоначальное значение — «волосатое (усатое) насекомое».

В русских говорах Приамурья гусеница представлена следующими лексемами: **жигули**. Гусеницы. *Жигули всю черёмуху закутали* [5, с. 132]; **уса**. Гусеница. Усы на капусту напали [5, с. 457]; **жгучка**. Гусеница. *Жгучки собирали цыплятам. Ой, скоко жгучки на смородине!* [5, с. 129].

Пчёлы в русской языковой картине мира являются символом трудолюбия (*тружусь, как пчёлка*), мудрости, бесстрашия (*пчела ожалит и сама погибает*), честности, чистоты и целомудрия. Даже оплодотворение пчёл переселенцы называли благотворением (благо и творение): **благотворение**. *Оплодотворение, осеменение (в пчеловодстве). Трудень нужен из сотни один для благотворения матки. А когда облёт, матка обязательно на благотворение выходит* [5, с. 112].

Заниматься пчёлами — это **пчеловодить**. *Третий год он пчеловодит. Я в колхозе стала работать, он пчеловодил.* Пчеловод — это **пчелопасек**, **пчельник**: *Шёл и у пчелопасека сразу дом купил* [5, с. 358].

По-разному называются в русских говорах Приамурья ульи: **левецкий улей**. *Длинный высокий ящик для пчёл. Левецкий улей, он другой, длинный и высокий* [5, с. 221]; **лётка**. *Отверстие в улье для вылета пчёл. Лётку сделал, чтоб пчёлки лазили* [5, с. 223]; **мчанник**, или **мшанник** (улей) — тот же пчельник, улей ещё называют [5, с. 249]; **пчелик**, или **пчельник**, то же, что мчанник. *Домик для пчёл — пчелик. Улик и пчелик — одно и то же. Мой зять всё пчелики делает. Пчельник — для пчеликов здание* [5, с. 358]. *Раньше пчёл токо в дуплянках, колонках держали* [5, с. 189].

С пчёлами связаны многие народные приметы: пчела залетела в дом — скоро будет радостное событие, много пчёл залетело — к свадьбе, пчела летала над человеком, но не ужалила — к приятным новостям, мёртвая пчела — к убыткам и к болезням близких, убить пчелу — к неприятностям, рассказать около ульев о проблемах — беды вскоре пройдут.

По пчёлам старожилы определяли погоду. Например, пчела улетает далеко — к хорошей погоде: *мёд в зобиках*

пчёл, уходящих с роем, на десять километров идёт пчела, берёт запас [5, с. 149]; много пчёл влетело в улей, но мало вылетело — к ливню.

По приметам пчела жалит плохого человека. *Жало пчелы, осы — это жегало. В моей руке осталось жегало: пчела укусила* [5, с. 129]. Если рой пчёл не кусает кого-то, то этот человек — праведник. Невесту не кусают — она чиста и невинна, жениха не жалят — хороший хозяин.

В природе у пчелы среди насекомых есть враг. Это **мотылица**, пчелиная вошь *Braula coeса* из отряда двукрылых насекомых *Diptera*. *Мотылица — это моль, это самый гад, сама вредна, она все рамки прямо сплетёт, и черви там, личинки, пчёлы гибнут. Мотылица, она забирается, кладёт яички, потом червь получатся, размножатся, а пчела уходит* [5, с. 246].

Среди диалектной лексики, относящейся к тематической группе «Пчёлы», много профессиональной пчеловодческой лексики: **детва**. Личинки пчёл и молодые пчёлы, которые только что вывелись из них. *Пчела ложит в эти ячейки, потом выводится детва. Детва — куколки там, в сотах, пчёлы кормят их. Детва — это расплод, пчёлы, которые ещё в сотах. Всё это называют детвой и расплод* [5, с. 112]; **отводок**. Отделённая от основной пчелосемьи часть пчёл вместе с молодой маткой. *С отводком легче. Когда пчела роится, её лучше отводком взять* [5, с. 293]; **оттягать**. 1. Нарращивать вошину в рамках улья. *Оне оттягают трутневы ячейки, и засеиват матка их. Оттягают хорошо, это оне счас плохо оттянули* 2. Отделяясь, уводить из улья (о пчёлах). *Матка оттягат пчёл, маточники оттягают пчёл, если две матки* [5, с. 293]; **напрыск**. 1. Первый мёд. *Первый день напрыск не густой, а жидкий, к вечеру густеет. Первый день пчёлы начали таскать, называшь напрыск. Но обязательно в день, дождь смыл напрыск — мёду не будет. А на другой день смотришь — напрыск. Слой жидкого мёда для приманки пчёл. Жидкий мёд, напрыск сдёлашь на улье, рой поймаётся* [5, с. 261]; **первак, первяк**. *Первый рой пчёл. Трутовки — это уж первак. Перваки не пойдут. Первак — это пчёлы, первый рой, а есь вторяк, есь третий рой — это уж у плохого пчеловода. Первяк — это пчёлы, рой, а есь вторяк. Первый рой выходит, называется первяк, второй — вторяк* [5, с. 261].

Много неприятностей и убытков во все времена доставляет **моль**: *Моль начала шкуру бить* [5, с. 34].

В русских говорах Приамурья моль — это волосоед, или шашел: **волосоед**. Моль — вредитель шерстяных вещей. **Шашел побил меховую шубу, на самом деле это волосоед** [5, с. 68]; *козлятину обдельывают на половинку, потом выдымят и шили, её моль не кушат, она крепче* [5, с. 76]. *А сундук-то и червь не трогает, и моля там не заводится* [5, с. 244].

В русских говорах Приамурья мурашка — это муравей. *А муравьёв мурашками звали* [5, с. 248]. Муравьи строят муравейники в лесу: **муравище** — это несколько близко

расположенных друг к другу муравейников. Называем муравьище, где много кучек нагребённых [5, с. 248].

У муравьёв лесной враг — это медведь-муравятник. Медведь. Медведь питался весной муравьями, вот и прозвали муравятник. Муравятник — маленький медведь по величине [5, с. 245]. Такой медведь ещё носит название **белогрудка**. Вид медведя с белым пятном на груди *Selenarctos thibetanus*. Есть белогрудка и бурый медведь. Белогрудый набросится, а бурый трусливый. Муравьятник — это и есть белогрудка, у его жир хороший от простуды [5, с. 30]. Муравьятник под корчём вывороченной живёт. По-нашему корч, а он называл кокара [5, с. 196].

Комары и мошка (гнус) — издавна настоящее бедствие для переселенцев на Дальний Восток: *Комар, гнус задавлял их там. Оне потом ниже скачевали, в другу деревню* [5, с. 400]. Для роя комаров есть метафора **туча**: *У сырцов всегда комарьё тучами летало* [5, с. 411]. Их так много, что они могут **заслепить**. *Заслепило глаза. Заслепляло прямо: комаров туча. Заслепляет, мошканы много* [5, с. 154]; **комара на чёрта**. Много. *Наберётся на эти сани как комара на чёрта, до чёрта* [11, с. 31]; **мошня**. Мошка. *Ну да, мошни у нас много, мушек всяких, комаров* [5, с. 247]; **глаз (глаза) не разинуть**. Глаз не открыть (о большом количестве гнуса). *Комара было ой-ё-ёй — глаз не разинешь. В траве-то час глаза не разинешь, а в степе накомарники надо* [5, с. 361]. *За скотом утянется мошкара, комары всё облепят* [5, с. 459]. *А вечером оделся, комара достаёт всюду. Комара здесь всюду жужжит.*

Комарь нынче злой какой-то, вечером на лавке не посидишь [5, с. 189].

Комары, по определению старожилов, приносят резкую боль, сильно кусаются, поэтому эти насекомые злые, хлётские, могут жгучить: *А комары, особенно ночью, так жгучат, заснуть нельзя* [5, с. 129]. *Каки хлётски комары* [5, с. 467].

Спасение от комаров и мошки — **накомарник (дымник, дымарь, дымокур)**. Дым для отпугивания комаров. *Накомарник для комаров делали, когда вечером работали* [5, с. 257].

С поведением комаров связывают некоторые природные явления: исчезновение комаров в конце лета обещает раннюю осень, а большое появление в конце лета — к тёплой осени и зиме, громко жужжат и кусаются комары перед дождём, стаи мошки активизируются во время созревания ягод и т. д.

Таким образом, энтомологическая лексика в Приамурье жителей XIX–XX веков представлена разными тематическими группами: 1) божья коровка, 2) мухи, 3) бабочки (мотыльки), 4) гусеницы, 5) пчёлы, 6) моль, 7) муравьи, 8) комары, 9) мошка и т. д.

Отношение к насекомым у переселенцев практическое, приземлённое, дифференцируется в зависимости от того, приносят насекомые вред (моль, комары, червь) или пользу (пчёлы). С наблюдением за поведением насекомых связаны приметы о погоде, предсказываются природные явления.

Некоторые насекомые вызывают эстетические чувства. Например, большая бабочка — царь. Другие насекомые (мухи, черви, моль, комары) вызывают отвращение и брезгливость.

Список использованных источников

1. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 1998. — 240 с.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с.
3. Кривошапова, Ю. А. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) / Ю. А. Кривошапова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 5. — С. 169–179.
4. Кривошапова, Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Кривошапова ; [место защиты: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. — Екатеринбург, 2007. — 23 с.
5. Словарь русских говоров Приамурья / сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Пулятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.
6. Терновская, О. А. Бабочка в народной демонологии славян: «душа — предок» и «демон» / О. А. Терновская // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89–6.IX.89 : Проблемы культуры. — Москва, 1989. — С. 151–160.
7. Терновская, О. А. Белые мухи (две жатвы) / О. А. Терновская // *Balcano-Balto-Slavica : симпозиум по структуре текста : предварительные материалы и тезисы*. — Москва, 1979. — С. 108–110.
8. Терновская, О. А. Божья коровка и народный календарь. Заметки по истории культуры / О. А. Терновская // *Мифологические представления в народном творчестве*. — Москва, 1993. — С. 50–51.
9. Терновская, О. А. Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) / О. А. Терновская // *Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте*. — Москва, 1984. — С. 118–130.
10. Терновская, О. А. К описанию народных, славянских представлений, связанных, с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых / О. А. Терновская // *Славянский и балканский фольклор*. — Москва, 1981. — С. 139–157.
11. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. — 155 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — Москва : Астрель : АСТ, 2004.

Материал поступил в редакцию 06.02.2024.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, доктор филологических наук, доцент Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. 8-962-502-69-86.